

УДК 94(47).083
ББК 63.3(2)53

**Политический терроризм в Российской империи
в 1901–1911 гг. и его место в исторической памяти России**

Т. Рокки

Справочная библиотека Торонто (Торонто, Канада)

**Political Terrorism in the Russian Empire in 1901–1911
and Its Role in the Historical Memory of Russia**

T. Rocchi

Toronto Reference Library (Toronto, Canada)

Первая вспышка массового политического терроризма в XX в. имела место в Российской империи, особенно во время Первой русской революции 1905–1907 гг. Тысячи терактов, совершенных левыми революционерами, унесли жизни тысяч людей. Однако эти события еще не получили должного внимания ни в исторической памяти России и Европы, ни в истории мирового терроризма. Автор исследует факторы, способствовавшие сохранению большого «белого пятна» в памяти России и мира. Недооценка значения терроризма в первом десятилетии XX в. тесно переплетается с недооценкой Первой русской революции как самостоятельной революции. В Советском Союзе историки подчеркивали, что революция 1905–1907 гг. явилась «генеральной репетицией» Великой Октябрьской социалистической революции. В постсоветской России многие историки и публицисты считают Революцию 1905–1907 гг. «генеральной репетицией» «Голгофы» 1917 г. Прослеживается тенденция идеализировать самодержавие и правые движения и демонизировать социалистов и либералов. В России теперь публикуется много солидных монографий и статей о терроризме, но до сих пор нет исчерпывающих исследований, охватывающих период терроризма с 1866 г. (с покушения Д.В. Каракозова на жизнь царя Александра II 4 апреля 1866 г.) по 1911 г., касающихся идеологии и тактики разных партий и движений, правительственной политики в отношении политических преступлений, общественного отношения, особенно среди различных политических движений, к терроризму, а также различий между терроризмом и другими видами массового насилия — такими, как массовые протестные движения разных слоев населения и уголовное насилие. Только через кропотливый и всесторонний анализ явления терроризма в общеевропейском историческом контексте можно определить место терроризма в исторической памяти России и Европы.

The first outbreak of mass political terrorism in the 20th century took place in the Russian Empire, especially in the First Russian Revolution of 1905-1907. However, these events have not received proper attention in the historical memory of Russia and Europe and in the history of world terrorism. The author examines the factors enabling the continued existence of a huge “blank spot” in the memory of Russia and the world. The under-evaluation of the significance of terrorism in the first decade of the 20th century is closely connected with the under-evaluation of the First Russian Revolution as an independent revolution. In the Soviet Union, historians emphasized that the Revolution of 1905-1907 was “the dress rehearsal” for the Great October Socialist Revolution of 1917. In post-Soviet Russia, many historians and publicists consider the Revolution of 1905-1907 “the dress rehearsal” for the “Golgotha” of 1917. There is a strong tendency to idealize the autocracy and right-wing movements and to demonize socialists and liberals. Many solid monographs and articles about terrorism are now being published in Russia. However, we still do not have exhaustive investigations covering the entire period of terrorism between 1866 (attempted assassination of Tsar Alexander II on April 4, 1866 by the revolutionary D.V. Karakozov) and 1911, examining the ideologies and tactics of different parties and movements, the government’s policies on political crimes, the relationships of society, especially among different political movements, to terrorism, and the differences between terrorism and other types of mass violence such as mass protest movements of different strata of the population and criminal violence. Only through a painstaking and multi-sided analysis of the terrorist phenomenon in the European-wide historical context we can determine the place of terrorism in the historical memory of Russia and Europe.

Ключевые слова: политический терроризм, Русская революция 1905–1907 гг., государственные преступления, политическое насилие, самодержавие и общество.

DOI 10.14258/izvasu(2020)6-08

Первая вспышка массового политического терроризма в XX в. имела место в Российской империи, особенно во время Русской революции 1905–1907 гг. Эта вспышка терроризма началась 27 февраля 1901 г. с убийства министра просвещения Н.П. Боголепова революционером П.В. Карповичем и закончилась убийством премьер-министра П.А. Столыпина 1 сентября 1911 г. революционером и агентом охраны Д.Г. Богровым. О масштабности этого насильственного способа политической борьбы можно судить по следующей статистике, приведенной американской исследовательницей Анной Гейфман. Между 1870 и 1900 г. 38 терактов, совершенных левыми, унесли жизни 100 человек, в том числе царя Александра II 1 марта 1881 г. Между 1901 и 1911 г. левые террористы совершили тысячи терактов, во время которых убили или ранили 16800 человек. Подавляющее большинство терактов были совершены в период с октября 1905 г. до сентября 1911 г. Эпоха российского терроризма (1866–1911 гг.) соответствует европейской «эпохе динамита», когда некоторые индивидуумы и группы, главным образом анархисты и националисты, убили несколько десятков человек, преимущественно государственных деятелей, в конце XIX – начале XX в. В Европе в 1850–9000-х гг. имели место 40 актов политических убийств [1, с. 21, 270].

Однако события этого десятилетия массового терроризма еще не получили должного внимания ни в исторической памяти России и Европы, ни в истории мирового терроризма. В данной статье исследуются факторы, способствовавшие продолжению существования этого большого «белого пятна» в исторической памяти России и мира.

По ряду причин, главным образом политического характера, в историографии значение терроризма в России в первом десятилетии XX в. сильно недооценивается. Это явление тесно переплетается с общей недооценкой революции 1905–1907 гг. как самостоятельной революции с уникальными аспектами. Одна лаконичная фраза В.И. Ленина в 1920 г. — «без „генеральной репетиции“ 1905 года победа октябрьской революции 1917 года была бы невозможна» [2] — предопределила на протяжении десятилетий интерпретации советских и многих зарубежных историков этой революции. Революция 1905–1907 гг. трактовалась лишь как прелюдия к Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., и многие историки игнорировали то, что револю-

Key words: political terrorism, the Russian Revolution of 1905–1907, state crimes, political violence, autocracy and society.

ция 1905–1907 гг. явилась первой крупной революцией в начале XX в. и отличалась от классических европейских революций, происходивших в период 1770–1850 гг.

Массовые насильственные революционные, антиреволюционные и контрреволюционные движения, конечно, имели место и в эпоху классических европейских революций, а также в революции 1905–1907 гг. Однако идеология и тактика терроризма оформлялись в конце XIX в. [3, с. 13], и использование этого способа политической борьбы сильно отличало Первую русскую революцию от всех предыдущих европейских революций.

Несколько слов об авторской терминологии. Важно отличать террор от терроризма, хотя многие российские историки часто используют слово «террор», когда имеют в виду терроризм. Террором обычно считают организованную государственную политику насилия против реальных и мнимых врагов. Терроризм обычно понимают как организованную политику насилия оппозиционных движений против правительства и общества. Дореволюционные, советские, постсоветские, а также и многие зарубежные историки часто утверждают, что самодержавие являлось деспотическим государством, проводившим политику террора против своих оппонентов. Однако в отличие от французских якобинцев и большевиков, российское самодержавие не имело ни ресурсов, ни политической воли проводить политику массового государственного террора [4, р. 42–43]. Карательная политика самодержавия часто была суровой, особенно при подавлении революции 1905–1907 гг., но и европейские государства часто использовали суровые меры во время революций, происходивших между 1770 и 1850 гг. [5, р. 80–87].

Рассмотрим факторы, способствовавшие сохранению недостаточного внимания к истории терроризма в исторической памяти России. Самым главным фактором является раздробленность исследований, посвященных данной теме. Мы до сих пор не имеем исчерпывающих исследований, охватывающих период терроризма, начавшийся с покушения Д.В. Каракозова на жизнь царя Александра II 4 апреля 1866 г., и до 1911 г., касающийся идеологии и тактики разных партий и движений, правительственных действий в отношении политических преступлений, общественного отношения, особенно среди различных политических движений, к терро-

ризму, а также различий между терроризмом и другими видами массового насилия, таких как массовые протестные движения разных слоев населения и уголовное насилие. Конечно, теперь уже изданы постсоветские монографии и статьи о дореволюционном терроризме, но касающиеся лишь отдельных аспектов явления. Также нет и работ сравнительного характера, исследующих различия в терроризме в России и Европе, позволяющих определить элементы российской самобытности.

Когда историки пишут о терроризме в России, то они обычно упоминают лишь убийство царя Александра II 1 марта 1881 г. членами революционной народнической организации «Народная воля» и некоторые впечатляющие теракты, совершенные боевой организацией партии социалистов-революционеров (эсеров) (см.: [6; 7]). Часто историки делают ошибочные выводы, что террористы потерпели поражение потому, что им не удалось свергнуть самодержавие. Наоборот, народовольцы нанесли мощный упреждающий удар по развитию России в направлении европейской либеральной государственности и задержали конституционное развитие России на 25 лет [8, р. 368]. Да и террористы в революции 1905–1907 гг. спровоцировали самодержавие на более жесткий курс репрессий, следовательно, дискредитировали правительство перед обществом.

Ограничение истории терроризма «Народной волей» и Боевой организацией эсеров означает игнорирование масштабности терроризма в Первой русской революции. Представители многих левых партий и движений совершали теракты: всероссийские партии, в том числе социалисты-революционеры, эсеры-максималисты, анархисты всех течений, социал-демократы (и большевики, и меньшевики, несмотря на громкую критику индивидуального терроризма Г.В. Плехановым, В.И. Засулич, Ю.О. Мартовым и В.И. Лениным), национальные марксистские и народнические партии. Имели место также и теракты, совершенные боевыми дружинами из Союза русского народа и других черносотенных организаций.

Вспышка терроризма заставляла все политические партии определять свое отношение к терроризму. Умеренные социалисты, как и народные социалисты и трудовики, не участвовали в терроризме, но и не осуждали его [9]. Либералы, особенно из партии кадетов (Конституционно-демократическая партия, или Партия народной свободы) поддерживали левый терроризм, чтобы принудить правительство пойти на уступки – дарование политической свободы и конституции [10; 11]. Лишь либерально-консервативный Союз 17 октября (октябристы) осудил и левый, и правый терроризм по нравственным соображениям [12, с. 62–64]. Партии, занимавшие срединную линию между октябристами и кадетами, имели различные мнения о левом терроризме.

То же самое можно сказать о многих консервативных и либеральных национальных партиях. Конечно, правые русские националистические партии и движения осудили левый терроризм, но не все представители правого лагеря одобрили теракты черносотенных боевых дружин и стихийные погромы. Ведь для многих консерваторов каждый акт насилия явился нарушением порядка и первым шагом к разгрому общественно-политического строя [13].

Как и во время первой волны терроризма между 1878 и 1894 г., многие группировки в правительстве и политических движениях в революции 1905–1907 гг. использовали терроризм для достижения своих собственных политических целей и оправдания своих ответов на террористическую угрозу. Игнорирование размаха терроризма и политической полезности терроризма для многих группировок ведет к тому, что в исторической памяти России сохраняется в этой сфере «белое пятно».

Как уже было отмечено, недооценка роли терроризма тесно переплетается с общей недооценкой революции 1905–1907 гг. Тут мы имеем дело с влиянием канонической советской трактовки революции. Трактовать эту революцию лишь как «генеральную репетицию» Великой Октябрьской социалистической революции означает «доказывать» объективные предпосылки и закономерность победы большевиков в 1917 г. и закономерность поражения их противников из других партий (см.: [14; 15]). Но это не реальная история, а, скорее, историческое мифотворчество.

Советская историография на протяжении десятилетий подчеркивала, что революция 1905–1907 гг. явилась народной революцией нового типа, гегемоном которой стал пролетариат под руководством ленинской большевистской партии. Как заметил С.В. Тютюкин, через этот схематический подход историки идеализировали пролетариат и большевиков, демонизировали небольшевистские партии, особенно из социалистов и либералов, игнорировали реформаторские действия самодержавия и степень распространения массовых контрреволюционных движений (см.: [16; 17, с. 364–371]).

Советские историки часто цитировали резкое осуждение В.И. Лениным терроризма эсеров: «...ставя в свою программу террор и проповедуя его как средство политической борьбы в современной его форме, социалисты-революционеры приносят этим самый серьезный вред движению, разрушая неразрывную связь социалистической работы с массой революционного класса. Никакие словесные уверения и заклятия не могут опровергнуть того несомненного факта, что современный террор, как его применяют и проповедуют социалисты-революционеры, ни в какой связи с работой в массах, для масс и совместно с массами не стоит, что партийная организация тер-

рористических актов отвлекает наши крайне немногочисленные организаторские силы от их трудной и далеко еще не выполненной задачи организации революционной рабочей партии, что на деле террор социалистов-революционеров является не чем иным, как единоборством, всецело осужденным опытом истории» [18].

Итак, Ленин охарактеризовал терроризм лишь как обреченное единоборство между самодержавием и интеллигенцией. Он игнорировал элементарный факт, что терроризм, при конкретных условиях Российской империи, явился производной напряженных отношений между правительством и обществом. Однако сам Ленин проводил довольно гибкую политику в отношении терроризма. В начале 1906 г. он призывал большевиков организовать боевые дружины: «Мы позволим себе здесь маленькое отступление о партизанских выступлениях боевых дружин. Мы думаем, что сравнивать их с террором старого типа ошибочно. Террор был местью отдельным лицам. Террор был заговором интеллигентских групп. Террор был совершенно не связан ни с каким настроением масс. Террор не подготавливал никаких боевых руководителей масс. Террор был результатом – а также симптомом и спутником – не верия в восстание, отсутствия условий для восстания. Партизанские выступления не месть, а военные действия. Они так же мало похожи на авантюру, как набег охотничьих дружин на тыл неприятельской армии во время затишья на главном поле сражения не похожи на убийства дуэлянтов или заговорщиков. Партизанские действия боевых дружин, образованных давно уже социал-демократами обеих фракций во всех крупнейших центрах движения и включающих в себя, главным образом, рабочих, несомненно связаны с настроением масс самым явным, самым непосредственным образом» [19].

С такими эвфемизмами большевики могли совершать политические убийства и экспроприации — вооруженные ограбления банков и других финансовых институтов. Итак, советская формулировка подчеркивала, что терроризм эсеров, анархистов и других «мелкобуржуазных» социалистов приносил вред революции и, объективно, служил силам реакции, тогда как большевистские «партизанские действия» продвигали революцию вперед.

Ради справедливости необходимо заметить, что зарубежные историки часто не уделяют должного внимания истории терроризма в Революции 1905–1907 гг. Зарубежные историки часто уделяли большое внимание социальной истории и предпочитали писать о массовых протестных движениях рабочего класса, крестьянства и других слоев населения [20, с. 4]. Постоянные интерпретации революции влияют на определение места терроризма в памяти о революции. В постсоветской России замечают-

ся новые подходы к определению места Первой русской революции в исторической памяти.

Как заметил С.В. Тютюкин, многие историки и публицисты стараются изображать революцию 1905–1907 гг. прелюдией к революциям 1917 г. Те революции породили победу большевизма и тоталитаризма и, следовательно, Первая революция должна быть осуждена [16, с. 7]. Получается, что революция 1905–1907 гг. теперь считается «генеральной репетицией» перед «голгофой» 1917 г. Вот почему объективное исследование терроризма особенно важно с учетом современной российской тенденции, главным образом в популярных изданиях, стремящихся идеализировать самодержавие, особенно в лице последнего царя Николая II, и правые элементы (особенно черносотенцев), а также демонизировать оппозиционные и революционные движения.

Рассмотрим два примера постсоветской историографии о терроризме. В сборнике о терроризме в России историк М.И. Леонов дает описание огромного размаха терроризма в революции, поддержки террористов либералами, неспособности правительства выиграть войну против терроризма. Однако Леонов, считая революцию «смутной», не занимается исследованием причин масштабности и продолжительности терроризма [20, с. 6–23]. Предполагаемая ассоциация революции со Смутным временем начала XVII в. необоснована, поскольку те события происходили совсем в других исторических условиях.

Если раньше левые террористы считались рыцарями-борцами с самодержавием, то теперь некоторые авторы наделяют рыцарским имиджем черносотенцев. Например, О.А. Платонов утверждает, что черносотенные боевые дружины восстановили порядок на заводах и в университетах. Он также пишет: «В 1905–1907 гг. черносотенцам удалось организовать русских людей для борьбы с врагами России. Гнев Русского народа справедливо поразил всех, кто стремился к разрушению Русского государства. Руками народа были наказаны люди, лишенные всего святого, национально невежественные, поднявшие восстание против законной русской власти, против самого Русского народа» [21, с. 9]. Неудивительно, что автор ничего не написал об убийствах либеральных думских депутатов членами черносотенных боевых дружин.

Такие элементы мифотворчества совсем не удивительны. В российской и зарубежной историографии с момента возникновения терроризма и до наших дней продолжает вестись полемика, существуют как позитивные, так и негативные стереотипы о террористах, об их сторонниках и противниках, наличествуют значительные элементы мифотворчества, искажения фактов и огромные «белые пятна».

Однако история политического терроризма в первом десятилетии XX в. заслуживает своего места в исторической памяти России, Европы и мира

в целом. Многие факторы способствовали масштабности и продолжительности терроризма в России, предшествовали многим аспектам современного терроризма и потому сохраняют актуальность. Среди этих факторов из эпохи Первой русской революции можно отметить следующие.

1. Существование социалистических взглядов у интеллигенции. Европейские страны имели своих богемных интеллектуалов, маргиналов и заговорщиков. Российская революционная интеллигенция составляла существенный слой образованного населения, и ее единственной целью было разрушение существовавшего политико-управленческого строя.

2. Процесс радикализации, с помощью которой интеллигенция постоянно пополняла свои ряды. Радикализировались студенческая молодежь, ученики, женщины, представители этнических и религиозных меньшинств.

3. Криминализация ряда политических движений, в том числе многих либеральных, через их поддержку терроризма.

4. Амбивалентное отношение среди консерваторов, крайне правых и других сторонников правительства к его борьбе против терроризма. Представители консервативного лагеря по разным причинам часто сдерживали свою поддержку правительству в борьбе с терроризмом.

5. Международная «информационная война», проводившаяся представителями социалистов и либералов в 1880–1914 гг. Оппозиция очернила репутацию самодержавия и довольно успешно выстроила будущий имидж другой России, борющейся за свободу и демократические ценности.

6. Возникновение правого терроризма в качестве ответа на левый терроризм. Организация массовых

правых популистских партий и движений как своеобразная «революция справа» [4, р. 39, 46].

В противовес современной тенденции идеализировать самодержавие стоит исследовать то, как именно самодержавие внесло свой вклад в возникновение и развитие терроризма через постоянное недоверие общественным инициативам, даже самым лояльным, через отказ развивать гражданское и правовое сознание. Да, многие представители общества тоже имели низкий уровень правосознания. Во многом вопрос о низком уровне правосознания объясняет, почему терроризм стал производной напряженных отношений между правительством и обществом на протяжении десятилетий. Такое положение дел в России имеет большое значение в общеевропейском историческом контексте. Европейские государства переживали волны революций и политического брожения в 1770–1850-х гг. Даже по окончании эпохи революций во всех европейских государствах имели место острые конфликты между правительствами и разными политическими движениями вплоть до начала Первой мировой войны в 1914 г. Однако использование терроризма как важного средства политической борьбы никогда не предопределяло хода политических конфликтов в европейских странах.

Итак, перед историками стоит большая задача — определить место политического терроризма в исторической памяти России. Только через кропотливый и всесторонний анализ этого явления в общеевропейском историческом контексте мы можем признать, что самобытность российского терроризма заслуживает большего внимания в контексте не только российской истории, но также истории европейских революций, истории политических идеологий и истории терроризма.

Библиографический список

1. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997. URL: http://royallib.com/book/geyfman_anna/revolyutsionniy_terror_v_rossii_1894_1917.html.

2. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 41. URL: <http://uaio.ru/vil/41.htm>.

3. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). 2-е изд., доп. М., 2016.

4. Rocchi T. Terrorism in the Russian Empire: Lessons of History for Today's War on Terrorism. Part I: Posing the Questions for Studying Terrorism in Russia // *Historical and Social-Educational Ideas*. 2018. Vol. 10. No. 5/1.

5. Daly J.W. Political Crime in Late Imperial Russia // *The Journal of Modern History*. Vol. 74. No. 1 (March 2002).

6. Волк С.С. Народная воля: 1879–1882. М., 1966.

7. Городецкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998.

8. Szamuely T. *The Russian Tradition*. London, 1974.

9. Сыпченко А.В. Народные социалисты и террор // *Индивидуальный политический террор в России (XIX — начало XX вв.) : материалы конференции*. М., 1996. URL: <http://old.memo.ru/history/terror/index.htm>.

10. Geifman A. *The Kadets and Terrorism, 1905–1907 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. Bd. 36. H. 2 (1988).

11. Stockdale M.K. *Politics, Morality and Violence: Kadet Liberals and the Question of Terror, 1902–1911 // Russian History*. Vol. 22. No. 4 (Winter 1995 / Hiver 1995).

12. Пазин П.В. «Союз 17 Октября» и политический террор начала XX века // *Вестник Пермского университета. История*. 2014. Вып. 4 (27).

13. Rogger H. Was There a Russian Fascism? The Union of the Russian People // *The Journal of Modern History*. Vol. 36. No. 4 (Dec., 1964).
14. Непролетарские партии в России: урок истории. М., 1984.
15. Политические партии России, конец XIX — первая треть XX века : энциклопедия. М., 1996.
16. Тютюкин С.В. Предисловие // *Первая революция в России: взгляд через столетие*. М., 2005.
17. Егоров А.Н. Отечественная историография Первой российской революции 1905–1907 // *Россия в 1905–1907 гг.* : энциклопедия. М., 2016.
18. Ленин В.И. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 6. URL: <http://uaio.ru/vil/06.htm#s377>.
19. Ленин В.И. Современное положение России и тактика рабочей партии // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 12. URL: <http://uaio.ru/vil/12.htm#s175>.
20. Леонов М.И. Террор и Смута в Российской империи // *Исторический вестник*. Т. 2, №149. 2012. Декабрь. URL: <https://www.runivers.ru/upload/iblock/ec9/istoricheskyyvestnik.pdf>.
21. Платонов О.А. Предисловие // *Черная сотня : историческая энциклопедия* / сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. М., 2008.